

*Верина Г. В.,
д.ю.н., професор*

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Найбойченко В. В.,

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ УЧЕНИЯ О ВИНЕ В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Аннотация. Статья показывает сложный путь развития учения о вине в российской уголовно-правовой теории, преимущественно в советский период.

Ключевые слова: история науки, учение о вине, уголовно-правовая доктрина, советский период российской уголовно-правовой теории.

Постановка проблемы. Как отмечал Макиавелли, «история — наставница наших поступков» [1, 9]. Поэтому исторический экскурс по проблеме вины весьма значим, он учит нас правильно понимать феномен вины, концепции вины, разработанные современной уголовно-правовой доктриной.

Учение о вине в российской уголовно-правовой науке имеет сложную судьбу. Его развитие происходило через трактовку вины как одной из составляющей преступного деяния, важнейшего понятия уголовного права, от отождествления данного понятия с субъективной стороной преступления к признанию вины явлением внешнего мира, причинной связью, отказу от вины как субъективного признака преступления, через бурные дискуссии о сущности вины и ее назначении вновь к пониманию вины как важнейшего признака субъективной стороны преступления.

Изложение основного материала. В российской уголовно-правовой теории начала XX столетия выделялась категория «виновность», которая включалась в понятие преступного деяния, само же преступное деяние признавалось признаком состава преступления. В частности, П. П. Пусторослев отмечал, что субъективной, или внутренней, составной частью преступного деяния является виновность человека в учинении внешнего поступка, характеризующаяся умыслом или неосторожностью [2, 22]. Ученым высказывалось также

суждение о том, что состав преступления содержит в себе три необходимых признака: 1) субъект, или учинитель преступления, 2) объект или предмет преступления и 3) преступное деяние [3, 20].

По всей видимости, в преступное деяние включались все объективные и субъективные признаки, которые с позиции современной российской уголовно-правовой доктрины укладываются, соответственно, в понятие объективной и субъективной сторон преступления. Таким образом, преступное деяние трактовалось широко, по сути, как понятие, заменяющее преступление, со всеми его объективными (общественно опасное деяние, общественно опасное последствие, причинно-следственная связь и т. д.) и субъективными (вина, мотив, цель, эмоции) признаками в современном их понимании.

Н. С. Таганцев в своих воззрениях на понятие виновности придавал большое значение философской теории абсолютной воли [4, 34–37], отмечая следующее: «Воля и составляет сущность виновности, так как всякая виновность заключает в себе порочность или недостаток, дефект нашей воли, нашего самонаправления к деятельности» [5, 571–572].

В первых декретах Советской власти вина рассматривалась как одна из важнейших уголовно-правовых категорий. Например, в декретах СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» и от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» закреплялось положение о том, что уголовной ответственности подлежат лица, виновные в совершении конкретных общественно опасных деяний и наказание должно соответствовать степени их виновности [6, 296]. В частности, в п. 1 Декрета СНК РСФСР от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» [7, 28–30] предусматривалось, что виновный

в сбыте, скупке или хранении с целью сбыта, в виде промысла, продуктов питания, монополизированных Республикой, подвергается наказанию не ниже лишения свободы на срок не менее 10 лет, соединенного с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества. Десять пунктов из тринадцати данного Декрета начинались с термина «виновный», что свидетельствует о той значимости, которую придавало Советское государство понятию вины в начальный период своего существования.

В Постановлении СНК РСФСР от 19 сентября 1918 г. «Об усилении уголовной репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и маловесных посылок» [8, 34] закреплялось, что виновные в перевозке, в виде промысла, писем, денег и маловесных посылок помимо почтового ведомства подвергаются наказанию лишением свободы на срок не ниже одного года, соединенным с принудительными работами и конфискацией всего или части имущества.

Используемая в декретах формулировка «виновные в ...» (далее шло описание преступления) имеет, на наш взгляд, преимущества следующего характера: во-первых, вина — важнейшее условие уголовной ответственности, во-вторых, наказывается физическое виновное лицо, а не преступление, в-третьих, такую формулировку есть основание рассматривать как предтечу принципа вины.

Однако уже в Постановлении Кассационного отдела ВЦИК РСФСР «О подсудности революционных трибуналов» («Известия ВЦИК» 6 октября 1918 г.) вместо термина «виновные» используется термин «кто». Так, в Постановлении предусматривалось: «Революционному трибуналу предаются: 1. По делам по обвинению в контрреволюционной деятельности Кто организует контрреволюционные выступления против Рабоче-Крестьянского Правительства, участвуя в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии; или участвует во всевозможных контрреволюционных заговорах и организациях, ставивших своей целью свержение Советского правительства, хотя бы в результате его деятельности и не было контрреволюционного выступления; участвует непосредственно в выступлениях, хотя бы сам специально не был предуведомлен о таковых заранее и не состоял предварительно членом

каких-либо организаций, подготавливающих таковые» [9, 35].

Думаем, использование в нормативно-правовом акте термина «кто» вместо термина «виновные» — свидетельство отступления от принципа вины.

В Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. отсутствовала норма, прямо определявшая вину и ее формы. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, произошло это потому, что при их составлении возобладала точка зрения разработчиков, отождествлявших принцип вины с теорией возмездия и воздаяния за вину классической школы уголовного права [10, 30].

Но сам термин «вина» все же упоминался в первом кодифицированном акте советского периода развития российского уголовного права. Обратим внимание на п. 10 Руководящих начал, в котором давались следующие указания: «При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины» [11, 58].

Важно констатировать и то, что в Руководящих началах по уголовному праву присутствовало косвенное указание на формы вины. В соответствии с подпунктом «в» п. 12 данного нормативно-правового акта [12, 58] при определении меры наказания в каждом отдельном случае рекомендовалось различать, совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и несознательности.

В нормативно-правовых актах 1920 г. термин «виновный» вновь встречается, хотя и наряду с термином «кто». Научный интерес представляет Постановление НКЗдрава и НКЮ от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщины», в п.п. 1–4 которого закреплено: «1. Допускается бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается ее максимальная безвредность. 2. Абсолютно запрещается производство этой операции кому бы то ни было, кроме врача. 3. Виновные в производстве этой операции акушерка или бабка лишаются права практики и предаются народному суду. 4. Врач, произведший операцию плодизгнания, в порядке частной практики с корыстной целью, также предается суду» [13, 85–86].

УК РСФСР 1922 г. не воспринял термин «виновные», вместо него в нем присутствовало словосочетание «те, которые». Так, в п. 11 гл. II «Общие начала применения наказания» Общей части данного закона содержались предписания такого характера: «Наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно, т.е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление, или б) действовали неосторожно, т.е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть» [14, 117].

Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. не внес существенных изменений в решение проблемы вины: термин «вина» так и не появился в уголовно-правовых нормах, не нашел он отражения и в понятии преступления, хотя умысел и неосторожность были закреплены в законе. Согласно п. 10 разд. 3 «Общие начала уголовной политики РСФСР» Общей части вышеназванного уголовного закона в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия, меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в тех случаях, когда эти лица: а) действовали умышленно, т.е. предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление и б) действовали неосторожно, т.е. не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия [15, 258].

Таким образом, начиная с 1919 г., понятие вины поступательно выхолащивалось из российского закона.

В теории пропагандировалась мысль о том, что умысел и неосторожность не могут быть связаны с понятием вины в советском социалистическом уголовном праве.

По мнению А. А. Пионтковского, изложенному в конце 20-х годов XX в., умысел и неосторожность тесно связаны с понятием вины только в буржуазной теории уголовного права; советское же уголовное законодательство, отказавшись от понятия «моральная вина» и сохранив понятия «умысел» и «неосторожность», совершило лишь их дефетишизацию [16, 190].

В связи с этим утверждение М. Г. Угрехелидзе о том, что вина рассматривается социалистическим уголовным правом с момента своего зарождения как реальное психическое явление, вызывает удивление. Приведем мысль автора дословно. «Социалистическое уголовное право, — отмечал в 70-е годы XX столетия М. Г. Угрехелидзе, с первых лет своего существования рассматривает вину как реальное психическое явление, имеющее конкретное содержание. Основным элементом вины признается психическое отношение преступника к совершенному им общественно опасному деянию и вредным последствиям этого деяния. Вместе с тем, так как предметом такого психического отношения являются факты, имеющие определенную социальную значимость, это психическое отношение всегда мыслится как нечто, неразрывно связанное с морально-политической оценкой действий субъекта. В частности, оно понимается как морально-предосудительное психическое отношение» [17, 25].

Однако это не совсем так, и приведенные выше положения нормативно-правовых актов служат тому доказательством. Подтверждением могут также служить суждения о вине таких авторов, как С. В. Познышев, А. А. Пионтковский, Б. С. Утевский.

В 1923 г. С. В. Познышев под виной понимал «проявленное субъектом такое настроение, при котором он действует преступным образом, сознавая или, по крайней мере, имея возможность сознать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувствования и представления». В понятии вины автор выделил два элемента: «положительный, заключающийся в известном настроении, вызывающем преступный образ действий (действие или бездействие), и отрицательный, заключающийся в том, что субъект не подавил этого настроения, имея возможность сделать это, находясь в таких обстоятельствах, справиться с которыми доступно и не герою» [18, 114].

На формирование такого взгляда ученого, полагаем, оказали большое влияние философские воззрения Аристотеля, который считал, что намерение по преимуществу связано с

добродетелью и по нему лучше, чем по действию судить о характере [19, 193–194].

В 1959 году А. А. Пионтковский, будучи одним из авторов издания (его соавторы: А. А. Герцензон, Б. С. Утевский, М. А. Гельфер), рекомендованного Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия по Общей части советского уголовного права для юридических институтов и юридических факультетов государственных университетов, в главе 10 «Субъективная сторона преступления» писал: «Советский суд должен познать и правильно отразить в своем обвинительном приговоре определенное явление внешнего мира — вину данного лица в совершении преступления» [20, 156].

Научный интерес представляет то, что вина рассматривалась автором как явление внешнего мира, ибо в современный период развития уголовно-правовой науки вина, как правило, признается внутренней стороной преступления.

Помимо выше обозначенного подхода к пониманию вины, А. А. Пионтковский дает следующую дефиницию вины: «Вина по советскому уголовному праву есть умысел или неосторожность лица, выраженные в совершенном им деянии, опасном для советского строя или социалистического правопорядка» [21, 157].

Таким образом, во-первых, понятие вины автором отождествлялось с субъективной стороной преступления, во-вторых, оно было сведено к умыслу и неосторожности и, в-третьих, мотив, цель и эмоции не выделялись как признаки субъективной стороны преступления. В вышеупомянутой главе 10 названного учебного пособия даже не было параграфа, посвященного факультативным признакам субъективной стороны преступления в их современной трактовке.

Удивительно и, вместе с тем, любопытно то, что главу десятую «Субъективная сторона преступления» и, в частности, параграф первый этой главы «Вина — субъективная сторона состава преступления» названного издания готовил не Б. С. Утевский, который в 1950 г. опубликовал монографию «Вина в советском уголовном праве», где выразил свое недовольство сведением богатого содержания вины к умыслу и неосторожности. Ученый, в частности, отмечал: «...нельзя богатую

содержанием проблему вины сводить только к умыслу и неосторожности как субъективной стороне состава преступления, притом понимаемым узко, формально-психологически. Необходимо изучению умысла и неосторожности как элемента состава преступления, как субъективной его стороны предпослать изучение вины как общего основания уголовной ответственности перед социалистическим государством» [22, 9].

Выводы. Мы попытались, насколько это возможно в рамках одной статьи, показать, как в советский период существования России шел процесс выхолащивания важнейших составляющих содержания вины и отстранения ученых от занятия той научной проблемой, которой они посвящали монографические труды и в понимание которой вкладывали мнение, отличное от большинства. В последующие годы такой подход был преодолен.

В современный период в российской уголовно-правовой доктрине существует целая система концепций по вопросу о понятии вины, среди них: психологическая, оценочная, психолого-оценочная. Большинство теоретиков признает вину одним из важнейших признаков состава преступления и преступления, принцип вины — основополагающим принципом уголовного права.

Литература:

1. Макиавелли Н. О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны / Н. Макиавелли // Государь: Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные: сборник / пер. с итал. Г. Муравьевой, Н. Томашевского, Е. Солоновича [и др.]; примеч. М. Андреева, Р. Светлова. — М.: Эксмо, 2009. — (Зарубежная классика). — 512 с.
- 2–3. Пусторослев П. П. Из лекций по Особенной части русского уголовного права. Вып. I / П. П. Пусторослев. — Юрьевъ: Тип. К. Маттисена, 1908. — 328 с.
4. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием / И. Я. Фойницкий. — М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. — 464 с.
5. Русское уголовное право: лекции / Н. С. Таганцева. — Часть Общая. Т. 1. — Изд. 2-е, пересм. и доп. — СПб, 1902. — 815 с.
6. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. — Т. 1: Учение о преступлении. — М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. — 592 с.
- 7–9. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 — 1952 гг.) / под ред. И. Т. Голякова. — М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. — 464 с.
10. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой (автор главы — Н. Ф. Кузнецова). — Т. 1: Учение о преступлении. — 592 с.
- 11–15. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 — 1952 гг.) / под ред. И. Т. Голякова. — 464 с.

16. Пионтковский А. А. Советское уголовное право / А. А. Пионтковский. — Т. 1: Общая часть. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. ; Л. : Госиздат, 1928. — 316 с.

17. Угрехелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве / М. Г. Угрехелидзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1976. — 132 с.

18. Познышев С. В. Учебник уголовного права. Очерк основных начал Общей и Особенной части науки уголовного права. Общая часть / С. В. Познышев. — М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. — 280 с.

19. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. — Мн. : Литература, 1998. — (Классическая философская мысль). — 1392 с.

20—21. Советское уголовное право. Общая часть / под общей ред. В. М. Чхиквадзе. — М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1959. — 464 с.

22. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве / Б. С. Утевский. — М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. — 319 с.

Веріна Г. В., Найбойченко В. В. Окремі аспекти історії вчення про вину в російській кримінально-правовій доктрині

Анотація. Стаття показує складний шлях розвитку вчення про провину в російській кримінально-правовій теорії, переважно в радянський період.

Ключові слова: історія науки, вчення про провину, кримінально-правова доктрина, радянський період російської кримінально-правової теорії.

Verina G. V., Nayboychenko V. V. Separate History Aspects of the Teaching about Guilt in the Russian Criminal Law Doctrine.

Summary. The complicated development way of the teaching about guilt in the Russian criminal law theory mainly within the Soviet period is showed in the article.

Keywords: history of study, teaching about guilt, criminal law doctrine, Soviet period of the Russian criminal law theory.